

ДЮЛА СВАК

«ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО» КАК ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОЕ СРЕДСТВО ДИАЛОГА

У этой работы нет другой цели, кроме публикации приведенных открытых писем середины 1980-х годов Д.С. Лихачёву и Н.В. Рязановскому и ответ Д.С. Лихачёва, и таким методом наметить один из возможных путей, ведущих к научному диалогу. Но так как в этих письмах речь идёт о Петре I, тревожные вопросы о единовластии сохранили свою историографическую актуальность.

Ключевые слова: *Ключевые слова: открытое письмо, Д. С. Лихачёв, Н. В. Рязановский, Пётр I, единовластие*

В память о Д.С. Лихачеве и Н.В. Рязановском

В какой бы поисковой системе мы ни работали, везде мы встречаемся с бесчисленным количеством открытых писем. В последние десятилетия такие письма постепенно стали одной из самых распространенных форм гражданских обращений. В жанровом плане они напоминают «риторический вопрос» в том смысле, что их авторы как правило не ждут ответа, ведь они именно потому и выбирают обращение к общественности, а не частное или официальное письмо, что не могут надеяться на (положительный) ответ адресата. Однако значение открытых писем бесспорно, поскольку в большинстве случаев они эффективно привлекают внимание к проблемам, занимающим и затрагивающим какую-либо политическую или иную общность. Конечно, это не означает, что такие тексты возникают только по поводу важных вопросов, к тому же можно заметить и определенную девальвацию: пишется много писем, причем часто по парциальным или маловажным проблемам. Как бы то ни было, «открытые письма» могут считаться важным средством гражданского общества во всеобщей, региональной или местной борьбе за демократические ценности, против разрастания власти. В этом смысле они близки к жанру так называемой «петиции».

Наряду с описанным выше главным направлением, которое имеет в основном общественно-политический характер, существуют и совершенно иные по жанру открытые письма. Один из известнейших примеров таких писем можно найти в литературе, это военное стихотворение Константина Симонова «открытое письмо», ставшее поразительно твердой лирической исповедью о верности, солдатской дружбе и стойкости.

Открытые письма писали (или, во всяком случае, подписывали) и историки, мне и самому приходилось в содружестве с коллегами протестовать в этой форме или обращаться с открытым письмом по поводу обиды не личного характера¹. Однако и в этих случаях ни я, ни мои коллеги не ожидали ответа.

Вместе с тем мне хотелось бы рассказать и о двух исключениях, имеющих некоторое отношение к нашей профессии. Об этих двух историях, которые разворачивались параллельно, но все же были связаны друг с другом, я уже писал в книге «На службе у Клио...», рисуя мини-портреты двух мэтров, уже ставших классиками русистики, Дмитрия Сергеевича Лихачева и Николая Валентиновича Рязановского².

С академиком Дмитрием Сергеевичем Лихачевым я встретился в первый (и, к сожалению, в последний) раз в 1985 г. Наш разговор во время обеда начался как интервью, а позже, после многомесячных размышлений, я придал ему форму открытого письма. Тогда я был молод, хотя и не совсем новичок, как раз достиг Иисусова возраста, и мне пришло в голову, что поднятая проблема «весомее» и может претендовать на внимание широкой публики. И я не ошибся, поскольку редакция ведущего тогда еженедельника для интеллигенции «*Élet és Irodalom*» выделила мне для публикации целую колонку³. Более того. Дмитрий Сергеевич не только удостоил меня ответом (который также был опубликован в «*Élet és Irodalom*»⁴), но и оказал мне большую часть, поместив этот ответ в «Раздумьях о России»⁵. Я горжусь этим и сейчас, будучи вдвое старше, чем тогда. С тех пор произошло много разных событий, прошло 33 года, разрушились биполярный мир и Советский Союз, но вступивший в 66-й год своей жизни Дюла Свак и сегодня не изменил бы ни строчки. Быть может, и в наши дни будет небесполезно обратиться к этому обмену письмами, поскольку, несмотря на смену эпох, затронутая в нем тема сохраняет свою актуальность. К сожалению, она вечно молода. Поэтому ниже я полностью публикую два письма, которые еще никогда не публиковались вместе.

Ниже публикуются мои вопросы и раздумья о Петре I (Документ 2), сопровождаемые моим письмом к нему (Документ 1) и его ответ (Документ № 3).

¹ Szvák, Gyula. "Egy elmaradt találkozó. Levél a *Lityerturnaja Gazeta* főszerkesztőjének", *Élet és Irodalom*, 2011.05.27.

² Свак. 2014.

³ Szvák, Gyula. "Ágályos kérdések I. Péterről (Levél Dmitrij Lihacsovnak, a leningrádi Puskin-házba)", *Élet és Irodalom*, 1986.05.09.

⁴ Dmitrij Lihacsov válasza, *Élet és Irodalom*, 1987.07.03.

⁵ Лихачёв. 2001. С. 442-444.

ДОКУМЕНТ 1

Глубокоуважаемый Дмитрий Сергеевич!

Прилагаю к этому письму статью для нашей "Литературной газеты" ("Едет он продалом"), подготовленную на материале нашего будапештского разговора. В этой статье я подробно написал о том, почему из нашей беседы в итоге получилось не интервью. Мне хотелось бы надеяться, что Вы не против этой формы обработки материала, а также что я верно передал Ваши мысли о Петре I.

Для меня, и не только для меня, было бы очень полезно и поучительно, если бы Вы дали это письмо достойным ответом.

Желаю Вам хорошего здоровья и дальнейших выдающихся творческих успехов.

С глубоким уважением:

Дюла Свак

ДОКУМЕНТ № 2

ВОПРОСЫ И РАЗДУМЬЯ О ПЕТРЕ I

(Письмо академику Д.С.Лихачеву в ленинградский Пушкинский Дом)

Когда в ноябре прошлого года мне посчастливилось лично встретиться с Вами, я сразу начал расспрашивать Вас о Петре I. Я мог бы поинтересоваться чем-нибудь другим, мне было бы интересно узнать Ваше мнение о новых спорах вокруг "Слова о полку Игореве", я с удовольствием поделился бы сомнениями по поводу моей книги об Иване IV и, по всей вероятности, получил бы большую пользу, разузнав у Вас, крупнейшего в наши дни знатока средневековой русской культуры, несколько работ которого было опубликовано и в нашей стране, о новейшей литературе по проблематике "Московия и Запад". И все же я интересовался реформами, положившими конец Московской Руси. Можно было расспросить Вас о русских классиках или о Вашем бережном покровительстве свежим росткам новейшей советской литературы, больше же всего меня занимала Ваша личная судьба, типичная судьба русского советского интеллигента двадцатого века. Вместо этого я задавал вопросы о гнутом голыми руками серебряные тарелки, владении дружиной ремесленных профессий, непрерывно трудившихся на благо своей страны "царе-мастеровом", который, наряду со значительным количеством вырванных собственными руками зубов, оставил после себя и во многих отношениях новую и бесспорно европейскую ведущую империю.

Действительно, я мог бы спросить что угодно и на все получил бы ответ, ведь нам редко выпадает возможность взять интервью у живого классика той или иной отрасли науки. И когда в порыве между утомительными совещаниями Европейского культурного форума Вы терпеливо, но без усталости человека, достигшего восьмидесятилетнего возраста, поминивали приготовленный безнадежно по-венгерски "русский" крестьянский суп, я по Вашим глазам увидел, что Вы сипрились с неострастливыми: годящийся во внуки коллега даже за обедом идет от

- 2 -

Вас великих открытий. А ведь я боялся этой встречи. Прошло почти 10 лет с тех пор, как я с горячностью начинающего в одной из моих статей вступил в спор с Вами. Мне и уже глубоко осажено о тоне этой статьи. Правда, у меня и сейчас имеются сомнения относительно того, применимо ли понятие проторенессанса к какому-либо периоду средневековой русской культуры, но с тех пор я научился уважать Ваше мнение, особенно Ваше, мнение человека, который некогда пострадал за научную правду и которому не всегда бывало легко бороться за неё и позже.

Поэтому я был рад тому, что вы не упомянули об этой полемике, и сам старался избегать вопросов, затрагивающих в себе возможность нового спора. И вот, всё же я спросил о Петре I.

Тогда, честно говоря, я не продумал до конца, но теперь уже уверен, что мною руководило два обстоятельства. Отчасти меня подвел и петровский опыт модернизации профессиональный интерес, ведь после изучения "семи голодных веков" средневековой Руси, прошедших без коренных реформ, неизбежна постановка вопроса: каковы были возможности и границы такого вмешательства сверху в Россию того времени? Но косвенно, может быть, впечатления моего поколения сделали меня особенно восприимчивым к историческим урокам выступлений против стагнации. Ведь наше поколение вступило на порог зрелости во второй половине 60-х годов, как раз вместе с реформой, последовавшей за многими "голодными годами", поэтому оно озабоченно и внимательно изучает её и с большой долей чувствительности — средства подобных начинаний.

Я, конечно, знал, хорошо знал, что огнём пара Петра всегда вызвала бурные чувства у русских мыслителей, но тайком я надеялся, что Вы, Дмитрий Сергеевич, если и не разделите моих оговорок, то хотя бы поддержите некоторые мои вопросы. Признаюсь, я исходил из того припи-

- 3 -

тивно-упрощенного предположения, что тот, кто связан со старой, то есть допетровской культурой такими сильными эмоциональными нитями, кто так самозабвенно изучает проявления гуманизма в средневековой русской литературе, возможно, терпит не к любой несущей новое реформе, или хотя бы терпит по отношению к бесчеловечным методам.

Уже князь Щербатов, который первым связал "повреждение нравов с петровскими реформами, не отрицал, что без царя Россия лишь к 1890-м годам достигла бы того уровня, на который её поставил Пётр I почти на двести лет раньше. Больше того, и знаменитый дворянский писатель и историк Карамзин в "Записке о старой и новой России" не оспаривает выдающихся способностей первого русского императора, хотя в этом произведении он обосновал концепцию "двух наций" (согласно которой, насильственные петровские заимствования как бы разделили общество на две части, на "безнациональный" высший слой и оставшихся русскими угнетённых), во многом взятую на вооружение и славянофилами. Именно славянофилы в 1840-х годах резко осуждали Петра I за то, что он повёл свою страну по западному пути и оторвался от "исконной" русской почвы. Правда, обычно и они не оспаривали человеческого величия царя и ценности некоторых его реформ.

Конечно, можно сказать, названные выше были консервативными мыслителями (хотя Вы, Дмитрий Сергеевич, лучше меня знаете, что такое утверждение, а тем более подмена прилагательных "консервативный" и "реакционный", без оговорок не соответствовало бы действительности), а прогрессивные силы в России всегда брали под защиту дело Петра. Только без соответствующих комментариев это утверждение было бы ещё дальше от правды. Правда, Гершен однажды назвал Петра I "коронованным революционером" и, например, Белинский тоже не скупился на одобрительные эпитеты, однако уже Радищев, чувствуя, что историческая личность оценивается судьбой народа и что самодержавие

- 4 -

как таковое в принципе противоречит интересам эксплуатируемых, определял революционной мысли оценочный критерий, принятый сначала декабристами, а позже революционными демократами и большевиками. С другой стороны, в царской России мы встречаем немало историков-монархистов, прямо обосновывавших этого члена дома Романовых.

К их числу принадлежал и один из крупнейших представителей русской исторической науки, XIX века, Сергей Соловьёв, который на долгое время заложил фундамент той официальной оценки Петра, определённые составные части которой до наших дней можно встретить на страницах различных исторических книг. Суть этой концепции - внешняя угроза, которая почти закономерно выработала в созревшем для реформ русском обществе "народного воцела", который твёрдой рукой способствовал тому, чтобы "при громаде Полтавской битвы родился для Европы новый великий народ", и "в европейской истории наступила новая эпоха". Однако не все профессиональные историки, последователи Соловьёва, разделяли это возмущение высшего представителя т.н. государственной школы. Другой выдающийся историк дооктябрьского периода, Василий Ключевский, прямо считал одной из аномалий русской истории то, что расширение территории обратно пропорционально внутренней свободе; а министр Временного правительства, бывший перед этим профессиональным историком, Павел Милюков, просто назвал петровские реформы полным банкротством.

Роскопавшая марксистская историография в лице Михаила Покровского пришла к поразительно сходному результату, но на основе в корне иных теоретических и политических соображений. В исторической мысли 1920-х годов деятельность Петра лишилась благоприятной оценки под знаком партийного подхода. В это время на первый план вышли

- 5 -

интересы угнетённых классов, да и в плоскости философии истории т.н. великие личности на короткое время отошли на задний план.

С тех пор, особенно после дискуссии о напаве в ВНР, начатой Эриком Мольнаром, и мы, венгры, убедились в том, что историю нельзя изучать только с классовой точки зрения. Венгерскими читателями, может быть, покажется новостью, но исторические последования уже однозначно показали, что во время Петра I помещики крестьян почти утроились из-за введённой тогда подушной подати, к тому же налоговые и рекрутские тяготы впервые установили в России во всей полноте систему крепостной зависимости крестьян, реализовавшуюся на уровне, близком к рабовладельчеству. К этому надо добавить опустошения в результате бесконечных войн, строительство Петербурга и создание флота, потребовавшие немногим меньшее количество жертв, купцы недавно основанных, опиравшихся на принудительный труд мануфактур, и можно сказать, что русский крестьянин никогда перед этим не попадал в такое бедственное положение. Недаром фольклорная сокровищница народа не изобилует песнями о "хорошем" царе Петре, зато возникло тем больше легенд о царе-антихристе и предсказаний, обещавших скорый конец света. Несмотря на это, было бы, видимо, несправедливо подводить итог царствования Петра только на основании этих фактов.

Я был рад, что Вы, Дмитрий Сергеевич, упомянули культуру как важнейшую область, многим обязанную великому реформатору. Здесь можно отметить возможность (и обязанность) учиться за границей, школы, идея создания первого университета, основание первой академии, первый журнал, и этот перечень можно ещё продолжить. Безусловно, мне ближе подход к государственному деятелю со стороны культурных непростей, нежели другой, встреченный мной в недавно прочитанной книге, автор которой считает основной заслугой Петра то, что в то время в Европе без ведома

- 6 -

чара не могла выстрелить ни одна пуля. Из чего следуют, что на правление Петра, обеспечившее выход к Балтийскому морю, за неполный один год, произошедшее в беспрестанных войнах, можно смотреть и с инаковой точки зрения. И в этом нет ничего предосудительного, если придерживаться того же при рассмотрении этого вопроса. В рамках экскламационистской внешней политики нарисован в XIX в. было понятно, если и не может быть одобрено, что государственный национализм определял историческое мышление, даже у такого выдающегося историка, как Соловьёв.

Однако проблема меняется и меняется оценка. Часто даже в жизни одного человека происходят перемены, которые значительно изменяют его прежние позиции. Достаточно сослаться на хорошо известного венгеро-русского читателя Алексея Толстого, между новеллой которого "Первый день царя Петра" и романом "Петр I" (больше того, отдельными вариантами последнего) наблюдаются существенные различия в оценках. После этого может показаться несерьёзным, но личные мотивации заставляют меня признаться, что я и сам вижу эту проблему несколько иначе, чем примерно десять лет назад, когда в связи с интересной книгой профессора Памменю я именно на страницах "Клет он продалом" выступил в полемике о значении царя Петра I. Тогда я считал морализированным познание Пала Е. Фехера, который назвал трагической дисгармонией между целями и средствами, использованными для их осуществления. Мне казалось, что отрезанные бороды и головы, замученная насмерть царевич и миллионы обездоленных были необходимыми жертвами великой реформы, модернизации страны. Конечно, это была серьёзная полемика. Но с большими удовольствиями прочитали бы сталкивавшиеся друг с другом мнения более компетентных историков, однако в то время о Петре I не очень то спорили даже в советской науке и публицистике.

- 7 -

Теперь, когда Вы, Дмитрий Сергеевич, назвали, как Вы выразились, "нетерпеливость" в качестве почти единственной ошибки Петра, Вы также присоединились к тому направлению исторической науки, представители которого признают в условиях ретроградного, "тёмного" средневековья только насильственное именованное сверху. Знал, встал за Лениным и Марксом, что Пётр I "боролся против варварства варварскими средствами", они одновременно считают закономерными эти средства, а тем самым и "нетерпеливость", требующую множество жертв.

Может быть, Вы согласитесь со мной в том, что учёт задним числом альтернатив развития — крайне развлекательная и поучительная историческая игра. Я уверен, что Вы не разделяете той фаталистичной точки зрения, согласно которой, всё, что произошло, должно было произойти именно так, как произошло. Поэтому, вероятно, разумно задать вопрос, который я уже не мог задать Вам: только ли Пётр I и только ли с петровской "нетерпеливостью" мог решить в первой четверти XVIII века задачи, стоявшие перед Россией? Несколько легче ответить на вопрос, в какой степени "нетерпеливость" решила эти проблемы, ведь это можно рассмотреть с помощью традиционных средств, которыми располагает историк. Говоря грубо: окупались ли принесённые жертвы? И вообще: имелись ли предпосылки "модернизации" в европейском смысле этого понятия?

Читая мой вопрос, Вы, может быть, не считаете необычным, что при размышлениях о Петре I я всё чаще вспоминаю упомянутую выше постановку вопроса, принадлежащую Ключевскому. А ещё чаще мне приходит в голову, возможно, эпизодная, но глубоко гуманная позиция 20-их годов, выраженная в словах Гегеля: "И я хочу Интернационала добрых людей, я хочу, чтобы каждая душа взяла на себя и дала бы ещё кое-что по первой категории."

- 8 -

Бовсь, Дмитрий Сергеевич, что в моем письме я слишком много внимания уделил личности. А ведь именно в связи с Петром I учёные выяснили, как много было сделано в области "европеизации" России до него, во второй половине XVII в., следовательно, Пётр не привёл свою страну "из тьмы к свету". Однако никто не отрицает, что личность царя наложила глубокий отпечаток на свою эпоху. Вы сказали, что в России, прежде всего из-за огромности территории, значительная роль человека, стоящего на вершине власти, в жизни государства - историческая закономерность. Таким образом, с точки зрения страны не всё равно, кто этот человек: авантюрист или личность европейской культуры, какой был Пётр I. Вы просили, чтобы я отдельно подчеркнул это в нашем разговоре. И хотя интервью в конце концов не получилось, я выполняю эту Вашу просьбу.

Между прочим, именно из-за этой Вашей незавершённой мысли из материала нашей беседы сложилось не интервью, а это письмо. Пролетел обеденный перерыв, Вас ожидал зал совещаний, и я уже не мог поделиться с Вами своими сомнениями, которые, как мне кажется, являются сомнениями венгерского исторического сознания. Вероятно, из нашего своеобразного исторического развития следует, что венгерская историческая мысль - за редкими, зато трагическими исключениями - менее толерантна по отношению к великим "вождям". Очевидно, в этом играет роль и то, что осуществившийся в нашей стране вид европейского абсолютизма был иностранного происхождения, поэтому обладатели этой власти вызвали естественную антипатию в национальном мнении. Позже на этот в основном эмоциональный глубокий слой общественного мнения накладывались упрощённые учения героической эпохи марксизма о первичности масс по сравнению с индивидуумом и о реакционности всех коронованных правителей в результате чего в перспективе в нашем взгляде на историю не сложилось своего рода оракульное понимание исторической личности. А в последнее

- 9 -

время в нашем историческом мышлении всё глубже пускает корни та предвещавшая прогресс структурная особенность модели феодализма западноевропейского типа, что в этом регионе общество складывалось снизу вверх, в отличие от обществ восточного типа, организуемых сверху вниз. Таким образом, наше историческое мышление, и смотря в прошлое, склонно предпочитать инициативу снизу, гражданскую деятельность в противовес изменению, идущим сверху. Учитывая эти идейные традиции, может быть, понятно, что я с удовольствием попросил бы Вас более подробно изложить Ваше проинтервьюрованное выше мнение.

Я делаю это сейчас, когда вместо интервью посылаю Вам, уважаемый Дмитрий Сергеевич, это письмо, как это сделал мой ныне покойный профессор, Иосиф Перени, обратившийся к академику Грекову. Вэл 1950 год, и неверная интерпретация распространенного тогда социалистического соревнования привела к возникновению неприятной ситуации в Институте истории АН ВНР. Дело в том, что у нас вошло в моду соревнование по заполнению карточек для конспектов, когда приняло прояснившее суть дела письмо Б.Д.Грекова, которое было принято как инструкция для венгерских историков. Оказалось, что пель состоит не столько в осуществлении стахановскими методами накопления последовательских карточек, сколько в сравнении научных результатов. С тех пор, конечно, прошло много времени, и я нуждаюсь не в инструкции, а в анализе важной проблемы исторического мышления с учётом всех возможных точек зрения. Мне оказало бы большую помощь, если бы мы смогли выйти за рамки всегда несколько протокольного интервью и дать всестороннюю и свободную от идеологизации оценку одной из ключевых фигур русской истории.

С уважением:

Дэла Свэк.

Глубокоуважаемый Дюла Свак!

Мне очень жаль, что наш разговор о Петре Первом в фойе Будапештского форума культуры нам не удалось довести до конца: меня зажали звонки на заседание. Вопрос о том была ли деятельность Петра I прогрессивной или губительной для русской культуры чрезвычайно запутан в литературе и общественной мысли XVIII - XX в., но запутан он вовсе не безнадежно. В коротком ~~ответе~~ ответе на Ваше письмо по этому поводу моим мыслям будет тесно для мотивированного изложения своих взглядов, но ~~подвести~~ ^{подвести} все-таки некоторые основания под будущие ответы возможно.

Прежде всего, вопрос должен был поставлен так: ~~совершил ли~~ ^{совершил ли} Петр I некий переворот в общих тенденциях русской культуры или делания Петра I шли в общем русле ее развития. Я стою на последней точке зрения. Петр продолжил и ускорил то, что было заложено в русской культуре. Европейизация России началась со Смутного времени и Россия всегда была связана с другими странами: Скандинавией, Византией, западно-славянскими странами, южнославянскими странами и пр. Петру не пришлось "прорубать окно" в Европу. Он открыл широкие двери главным образом на северо-запад Европ. Но и здесь он не произвел "открытия". Интерес к Англии начался еще в XVI в., интерес к Голландии был широк еще при Алексее Михайловиче. Первоначально Петр I вводил в России венгерское платье, но и это не новшество. Интерес к Венгрии существовал на Руси уже в XI - XII вв.

Идея "просвященной монархии", "царя-труженика" была изложена еще до Петра стихах Симеона Полоцкого - Алексея Михайловича.

Петр сменил в России всю знаковую систему (символы, эмблемы, гербы, знамена), познакомил с идеями басен Эзопа, перенес столицу поближе к естественным путям в прибалтийские страны и пр. Но уже в XVIII в. эта смена "знаковой системы" была глубоко подготовлена в России.

Второй вопрос. Не слишком ли дорогою цену заплатил народ за все "благоселения" Петра? Да, слишком дорогую. Не говоря уже о многом другом, Петр устилал трупами болота, на которых строился Петербург. Можно было бы, не так торопясь, прийти к таким же результатам несколько медленнее - растянув реформы на весь XVIII век. Но это мы рассуждаем с современной

точки зрения, мы, умудренные большим историческим опытом. А реально, если бы и не было "торопливого" Петра, то легко возникли бы другие исторические деятели, только менее талантливые и менее способные к государственному творчеству. Дело в том, что деспотизм - одна из отрицательных сторон любой "просвещенной монархии". ~~Деспотизм монархии~~ "Просвещенная монархия" не просто стремилась осуществить счастье народа, - она навязывала это счастье часто насильственными способами. "Король-Солнце" Людовик XIV тоже не был либералом. Да это было бы и невозможно в системе "идеологического государства", какой представлялась Франция при Людовике XIV. Можно было бы привести и другие примеры.

Петру удалось провести сближение России с северо-западной Европой, ~~и~~ сближение, которое было неизбежным и зародилось ранее. На Западе в эпоху Петра существовало два стиля - классицизм и барокко. В России со второй половины XVII в. господствовало только барокко, которое приобрело формы, позволявшие барокко стать заменителем ренессанса. Барокко было типичным не только для искусства, но для характера науки, мышления, поведения человека и т. д. Петр был типичным представителем барокко. Петр - человек ~~типичный~~ барокко со всеми его противоречиями, контрастами, темпераментом, загадочностью и т. д.

Обвинять в чем либо Петра нельзя. Его следует понимать, как следует понимать его эпоху и нужды, перед которыми очутилась Россия на грани столетий.

Можно ли считать Петра типичным для русской истории? Только в той мере, что в огромной России все реформы, ~~и~~ все исторические перемены требовали больших усилий и совершались с большим трудом и большими жертвами в уважении

ваш

A. N. Kharin
6 VII 86

Я не хотел бы разбирать эти письма с точки зрения историографии деятельности Петра I, позже это стало одним из главных вопросов моей докторской диссертации, там я рассмотрел его подробно⁶. Здесь, быть может, сто́ит лишь отметить, что этот обмен письмами стал частью вековых споров о Петре I и связанной с ним научной литературы.

Открытое письмо, претендовавшее на внимание широкой публики, все же носило явно специальный характер, и сформулированные в нем вопросы не остались риторическими, а вызвали соответствующий отклик. Тем самым это письмо стало средством плодотворного диалога между историками и литературоведами, венграми и русскими, между двумя разными поколениями. Благодаря крупной личности и крупному ученому, Дмитрию Сергеевичу Лихачеву.

И на этом история еще не заканчивается. В 1987 г. я получил от Фонда Сороса билет на самолет, летевший в Калифорнию. И оказавшись там, я отправился в Беркли, к Н.В. Рязановскому, дуайе-ну англосаксонской русистики. Перед этим я, как принято, представился в письме и сослался на переписку с академиком Лихачевым. После этого профессор Рязановский принял меня и уделил мне полтора-два часа своего времени. В то время я заканчивал свою книгу «Петр I: аргументы за и против»⁷ и был знаком с новой, значительной монографией принимавшего меня ученого об историографии царствования Петра⁸. Я наивно думал, что этого будет достаточно для содержательного разговора о великом преобразователе. Но разговора не получилось. Не сумев преодолеть разочарования, я снова обратился к помощи открытого письма: раз уж не сложился содержательный обмен мнениями, то, по крайней мере, пусть хотя бы я сформулирую свое мнение.

Так и получилось, в номере «Élet és Irodalom» от 16 октября 1987 г. была опубликована моя статья⁹, которая в русском переводе звучит так:

Дюла Свак: Русский в Калифорнии

Письмо Николасу Рязановскому в Университет Беркли

⁶ Szvák, Gyula. 2001.

⁷ Szvák, Gyula, szerk. 1989.

⁸ Riasanovsky. 1985.

⁹ Szvák, Gyula. "Kaliforniában oroszra lenni. Levél Nicholas Riasanovskynak a Berkeley-i Egyetemre", *Élet és Irodalom*, 1987.10.16.

Русский в Калифорнии

Письмо Николасу Рязановскому в Университет Беркли

Уважаемый Николай Валентинович!

Я обратился к Вам на русском языке, назвав Вас по имени и отчеству, и тогда, когда мне выпала честь быть Вашим гостем в Вашем любимом кафе неподалеку от университетского городка, так что употребленное мною здесь странное обращение нуждается в объяснении лишь для венгерских читателей моего письма. С тех пор, конечно, прошло некоторое время, и я, признаться, несколько растерялся: было ли это так естественно для Вас на самом деле? Ведь Вы никогда не жили на русской земле, Ваши работы о русской истории, в том числе монографии, посвященные славянофилам или Петру I, написаны по-английски, как по-английски Вы обращались к своим студентам в течение почти сорокалетней преподавательской деятельности. Конечно, я хорошо знал, что Ваши родители были русскими, отец — профессор московского университета, обладавший международной известностью специалистом по истории восточного права, мать — автор нескольких романов на русские темы; но к кому же я обращаюсь в Вашем лице? К белогвардейскому историку, как Вас квалифицировали в прежней советской исторической науке, или к западному буржуазному историку, в которого Вы были переименованы позже? Трудно разобраться в человеке, который считает родными три языка и который называет себя представителем мировой науки, причем в Соединенных Штатах, впитавших в себя столько разных народов.

- 2 -

В подобных случаях человека лучше всего характеризуют его взгляды, поэтому, после обмена формулами вежливости, я попытался узнать мнение моего собеседника. Должен признаться, сделать это оказалось нелегко, но за три недели, проведенные в Америке, я уже успел понять: Вы не единственный человек, несхотно делившийся со мной своими мыслями. Было слишком навязно или, может быть, слишком оптимистично надеяться на то, что встреча двух историков, занимавшихся русской историей и публиковавших работы по одному и тому же вопросу, создает все условия для взаимно обогащающей дискуссии. В данном случае, однако, кажется, что я коснулся темы, лабильной даже для американца.

Между прочим, выбор темы был достаточно очевидным. Как раз недавно я отдал в печать свою книгу о Петре I, в ходе работы над которой мне часто приходилось обращаться к обобщающей работе Николааса Рязановского "Оценка Петра Великого в русской истории и русской мысли". И, как выяснилось, Вы решили посвятить мне почти два часа своего времени, загруженного разнообразными делами, тоже благодаря царю Петру. Правда, хочу сразу уточнить: этот жест вежливости был адресован не столько мне, сколько академику Д.С.Лихачеву, еще точнее - нашему обмену письмами, состоявшемуся на страницах еженедельника "Блет ен продамо". Вы считали письмо академика Лихачева настолько значительным, что сожалели о том, что уже не сможете включить его в Вашу книгу. Однако должен откровенно признаться: несмотря на все мои усилия, я оказался не в состоянии вынести, каково же личное мнение Николааса Рязановского по этой проблематике. Одно я знал точно (поскольку неоднократно спрашивал Вас об этом): мнение Д.С.Ли-

- 3 -

хачева о Петре I Вы считаете прогрессивным, существенным шагом вперед по сравнению с односторонней оценкой, господствовавшей ранее в советской науке. Только эта оценка, данная представителем — назовем ее настоящим именем — сталинской концепции истории, как Вы сами показали в своей книге, была как раз двухсторонней. Петр необычайно высоко оценивался как царь, сделавший Россию ведущей европейской державой, и в то же время осуждался за утешение народных масс. Другой вопрос, что это последнее утверждение всегда было достаточно шаблонным и само по себе не подрывало в основном позитивной оценки. Этот факт еще раз доказывает отрыв т.н. сталинской концепции истории не только от основ марксизма, но и от т.н. ортодоксального марксизма, как обычно называют историческую концепцию 1920-х годов. В исторической оценке 1930 — 1950-х годов доминирующими становятся уже не классовые соображения, сохранившиеся при этом на уровне фразеологии, а имперские интересы, независимые от классов. Это означает утверждение гегемонии буржуазной, националистической по своим истокам интерпретации истории, смешанной с унаследованным у дворянской историографии культом героев, вызванным к жизни политическими устремлениями того времени и военными нуждами. Следовательно, Вы, Николай Валентинович, были правы, утверждая, что оценка Петра тогда была все же однозначно позитивной, какой и должна была быть в условиях массового единоличного правления. Но в то же время и не правы, точнее, Ваше утверждение было бы до конца справедливым, если бы оно относилось к Ивану IV. Иван IV действительно успешно превозносился исторической наукой того времени, которая в его случае на самом деле готова была отказаться от классовых соображений. Иначе

- 4 -

дело обстоит при оценке Петра, которому Сталин не собирался прощать утешения масс, а на самом деле симпатии по отношению к европейцам. К этому нужно добавить, что Иван IV воевал против немецкого рыцарского ордена, а Петр I "только" против шведов, и по сравнению с Петром Иван оказался гораздо более пригодной для исторических манипуляций фигурой. Впервые в истории русской исторической мысли. Так что было бы все же целесообразным придерживаться той точки зрения, согласно которой оценка Петра I в рамках т.н. сталинской концепции истории была биополитической.

И не только в рамках этой концепции. Вы пишете в своей книге - и в этом я могу с Вами согласиться -, что двойственная оценка Петра в советской исторической науке сохранилась до последнего времени. С той разницей, что исчезли питаемые коенофобией выпады против необычных "европейских" привычек Петра, что все большее внимание уделяется личности Петра, ее кокажениям и вытекающим отсюда ошибкам, больше того - преступлениям. Высококачественной формулировкой этой "новой" концепции стала биография Петра, вышедшая в 1973 г. из-под пера Николая Ивановича Павленко. Конечно, трудно сопоставить монографию и письмо на двух страницах, поэтому я могу лишь в общем воспринять Ваши слова о том, что мнение академика Лихачева является шагом вперед по сравнению с прежними оценками. Действительно, когда Д.С.Лихачев пишет, что русский народ "заплатил слишком дорогую цену за благодеяния Петра", то слово "слишком" означает решительное осуждение деспотизма. При этом акцент деспотизма рассматривается как неизбежные со стороны на исто-

- 5 -

рические закономерности. И хотя Вы, уважаемый Николай Валентинович, отказались признать существование каких-либо закономерностей в истории, все же, определив происшедшее не случайным, Вы в конце концов согласились с такой интерпретацией.

Теперь я могу признаться, что не удивлен этим. Возможно даже, что я поднял в разговоре с Вами тему Петра не просто из-за нашего общего интереса к ней. Дело в том, что в Соединенных Штатах я получил множество нуждавшихся в осмыслении впечатлений. Здесь я хотел бы упомянуть лишь первое и, наверное, не самое важное из них. Знаете, кто был первым американцем, с которым я столкнулся в Америке? Президент Рейган. Вооруженный у входа в аэропорт Лос-Анджелеса. Раньше я часто ездил в другом направлении, сходство было потрясающим, в обоих местах тревожным для венгерского историка. Буквально поразительные совпадения продолжались и позже. Длинная очередь, недоверчивые взгляды, диктаторское, коллективное изучение синего — не красного — паспорта. В другом месте нечто похожее, может быть, переживали и Вы, уважаемый Николай Рязановский. Здесь, во всяком случае, тамошний чиновник гораздо быстрее пропустил летевшего рядом со мной белого киноафриканца, чем меня, приезжего из Восточной Европы. Конечно, все это мелочи, возможно даже понятные. Гражданин маленькой страны может открыть и более существенные и тревожные параллели. Например, то, что могут быть выявлены поразительно похожие черты в механизме управления и функционирования больших стран, какими бы различными ни были силы и правила, управляющие им.

- 6 -

Из нашего разговора, уважаемый Николай Валентинович, выяснилось, что Ваша точка зрения гораздо ближе к позиции академика Лихачева, чем моя. Я сказал Вам, что на мои взгляды в немалой степени повлияли результаты, накопленные за последние три десятилетия венгерской исторической наукой: оттеснение на задний план национального угла зрения и отказ от абсолютистских, сверхцентрализованных моделей управления. Для меня Петр I был воплощением именно этой последней модели, поэтому я скорее могу согласиться с оценкой Петра в советской науке 20-х годов. Конечно, я признаю, что Петр был реформатором, и Россия глубже нуждалась в реформах. Поэтому я и не ставлю его в один ряд с другими тиранами, например, с Иваном IV, как это делал М.Н.Покровский. Я даже рискнул утверждать, что для прогрессивного русского мыслителя т.н. петровский опыт модернизации гораздо важнее петровского деспотизма. Но поскольку мною, венгерским историком, не руководят русские национальные соображения, я, конечно, не могу пройти мимо деспотического характера петровских реформ или, если хотите, абсолютизм для меня слишком большая цена за просвещение, к тому же очень спорное.

Для меня было поучительно видеть, что Вами в Вашей оценке руководили иные соображения. Однако разгадать эту загадку я не смог. Чем же мотивируется Ваша положительная оценка Петра? Вы знаете ли Вы это положительное мнение как американец или как русский? И если как русский, то как историк-монархист или как сторонник партии реформ? Вы оказали бы большую честь нашим читателям и мне лично, если бы поделились с ними своими мыслями об этом.

С глубоким уважением:

Dan Cz
Дан Свак

Эту статью я послал и профессору Рязановскому, который, однако, не пожелал воспользоваться своим правом на ответ. Таким образом, ни письменного, ни устного диалога не получилось. В 1987 г. Прошло десять лет. С помощью своего бывшего научного руководителя в аспирантуре, Руслана Григорьевича Скрынникова, я приступил к организации первой международной конференции в будапештском Центре русистики. Набравшись смелости, я пригласил на нее и Николая Рязановского, который принял приглашение и в 1998 г. прочитал на конференции «Место России в Европе / The Place of Russia in Europe» доклад «The Image of Peter the Great in Russian History and Thought and its Present Condition»¹⁰. В этой форме он ответил мне, когда почувствовал, что пришло время, ответил в своем стиле, жанре, в своей манере, можно сказать, выбранным им «оружием», на международном форуме специалистов, в сообществе русистов.

Таким образом, диалог, спровоцированный «открытым письмом», состоялся и в этом случае, причем в присутствии широкого круга специалистов. (Не говоря уж о том, что профессор Рязановский посетил и нашу следующую конференцию¹¹, а мне оказал честь, написав предисловие к моей книге, опубликованной в Америке¹²).

В этой работе у меня не было другой цели, кроме публикации приведенных выше писем, и таким методом я наметил один из возможных путей, ведущих к научному диалогу. Конечно, историк не может удержаться от того, чтобы по прошествии трех десятилетий оглянуться на прошлое, которое в момент написания этих текстов было его настоящим. Не следует забывать, что 1986/87 гг. были временем больших ожиданий, тяги к реформам. Особенно в СССР. Ни советский (русский), на даже американский (русский) ученый не могли освободиться от этого влияния эпохи. Поэтому Дмитрий Лихачев и Николай Рязановский и смогли прийти к общему знаменателю. А я оказался в одиночестве, упрямо обвиняя Петра I за произвол, в то время как мои оппоненты благословляли его имя за осуществленные им реформы. Прошедшее с тех пор время показало, насколько прав был Дмитрий Сергеевич, когда говорил о сложной судьбе реформ в русской земле. А я как «хорошо информированный пессимист» (этим определением меня украсил позже А.Н. Медушевский¹³), а еще в большей степени как исследователь своеобразного исторического пути России не мог оши-

¹⁰ Riasanovsky. 1999. 180-186.

¹¹ Riasanovsky. 2001. 9-19.

¹² Szvák, Gyula. *False Tsars*, foreword by Nicholas Riasanovsky. 2000).

¹³ Медушевский. 2018. С. 66-79.

биться настолько, чтобы мои тревожные вопросы о единовластии не сохранили свою актуальность и в 2018 году.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Riasanovsky, Nicholas V. *The Image of Peter the Great in Russian History and Thought* (NY – Oxford, 1985).
- Riasanovsky, Nicholas V. “The Image of Peter the Great in Russian History and Thought and its Present Condition”, in: Szvák, Gyula (ed.), Место России в Европе / The Place of Russia in Europe. *Ruszsiztikai Könyvek V* (Budapest: Magyar Ruszsiztikai Intézet, 1999), 180-186.
- Riasanovsky, Nicholas V. “The Place of Russia in Eurasia. Some Brief Historical and Historiographical Remarks”, in: Szvák, Gyula (ed.), Место России в Евразии / The Place of Russia in Eurasia. *Ruszsiztikai Könyvek IX* (Budapest: Magyar Ruszsiztikai Intézet, 2001), 9-19.
- Szvák, Gyula. “Aggályos kérdések I. Péterről (Levél Dmitrij Lihacsovnak, a leningrádi Puskin-házba).” *Élet és Irodalom*, 1986. 05. 09.
- Szvák, Gyula, szerk. Furkósbottal Európába? I. Péter: érvek – ellenérvek. Budapest: Új Gêniozus, 1989. (344 o.)
- Szvák, Gyula. *False Tsars*, foreword by Nicholas Riasanovsky (New Jersey: Center for Hungarian Studies and Publications, 2000). (182 p.)
- Szvák, Gyula. IV. *Iván és I. Péter utóélete*. *Ruszsiztikai Könyvek VIII*. Budapest: ELTE Ruszsiztikai Intézet, 2001. (256 o.)
- Szvák, Gyula. “Egy elmaradt találkozó. Levél a *Lityerturnaja Gazeta* főszerkesztőjének.” *Élet és Irodalom*, 2011.05.27.
- Лихачёв, Д.С. «Письмо о Петровских реформах», в: *Раздумья о России* (СПб.: Логос, 2001), с. 442-444. – Lihachyov, D.S. «Pis'mo o Petrovskih reformah», v: *Razdum'ya o Rossii* (Spb.: Logos, 2001), s. 442-444.
- Свак, Дюла. *На службе у Клио и у власть предержащих (этюды по руссиеведению)*. *Ruszsiztikai Könyvek XXXVIII*. Budapest: Russica Pannonicana, 2014. (200 c.). – Svák, Dyuula. *Na sluzhbe u Klio i u vlast' prederzhashchih (ehtyudy po rossievedeniyu)*. *Ruszsiztikai Könyvek XXXVIII*. Budapest: Russica Pannonicana, 2014. (200 s.).
- Dmitrij Lihacsov válasza. *Élet és Irodalom*, 1987.07.03.
- Szvák, Gyula. “Kaliforniában orosznak lenni. Levél Nicholas Riasanovskynak a Berkeley-i Egyetemre.” *Élet és Irodalom*, 1987.10.16.
- Медушевский А.Н. Венгерский Центр русистики: наблюдатель, исследователь и летописец нашего времени // Идеи и дела. К 65-летию профессора Дюлы Свака и 30-летию изучения исторической русистики в Будапеште / Общ. ред. и сост. М.С. Петровой. М.: Аквилон, 2018. С. 66-79. – Medushevskij A.N. Vengerskij Centr rusistiki: nablyudatel', issledovatel' i letopisec nashego vremeni // Idei i dela. K 65-letiyu professora Dyuly Svaka i 30-letiyu izucheniya istoricheskoy rusistiki v Budapeshte / Obshchaya redakciya i sostavlenie M.S. Petrovoj. М.: Akvilon, 2018. С. 66-79.

Свак, Дюла, профессор, доктор исторических наук, доктор Honoris Causa РАН, основатель и руководитель Центра русистики Будапештского университета им. Этвеши Лоранда

An “open letter” as a mean of historiographical communication

This paper does not have any other purpose than to publish open letters written in the mid-1980s to D.S. Likhachev and Nicholas V. Riasanovsky, as well as the answer from D.S. Likhachev. This way one of the possible routes leading to scientific dialogue is outlined. As these letters were about Peter I, disturbing questions about autocracy have to this day retained their historiographical relevance.

Keywords: open letter, D.S. Likhachev, N.V. Riasanovsky, Peter I, autocracy

Szvák Gyula, Professor, Dr. Sc. (History), Doctor Honoris Causa of the Russian Academy of Sciences, head and founder of the Centre for Russian Studies at Eötvös Loránd University (Budapest)